

Запоздалая благодарность барду

Девочка рисует дома,
над домами вьются дымы...

Евгений Клячкин. «Детский рисунок»

То ли грусть, а то ли недуг,
не найду причину никак...
*«На столе от лампочки круг,
а за кругом в комнате мрак...».*

Песня – словно сводит с ума
накануне долгой зимы!..
*«Девочка рисует дома,
над домами вьются дымы...».*

Всё нормально: «здесь» мы и «тут»,
цели и задачи – ясны...
Да вот рифмы с неба текут –
и потом являются в сны.

А от снов – увы, не восторг,
а от снов – какой-то кошмар:
там идёт невиданный торг,
там идёт «рифмóвый» базар,

там (а кто – не ведаю я)
рифмы-ширпотреб раздают...
Но рифмуешь «я» и «семья» –
и к тебе приходит уют.

Не сойти бы только с ума
посреди холодной зимы!..
*«Девочка рисует дома,
над домами вьются дымы...».*

За окошком видимый мир –
волком вой иль выпью кричи!..
Но в пейзаж, затёртый до дыр,
всё равно нагрянут грачи –

и чуть-чуть развеется грусть,
и чуть-чуть разъяснятся сны
(грач не птица певчая пусть –
но зато он вестник весны).

Всё равно мы – присно и днесь,
и в театре жизни – аншлаг,
всё равно – *«мы жить будем здесь»*,
всё равно – *«мы жить будем так»*...

Если крепким выстроим дом –
на весну нацелится взгляд.
Если срифмовать «мозг» и «Омск» –
всё равно грачи прилетят...

Баллада о городе О.

(Про то, как я шёл по дождливому Омску с зонтиком и в футболке, на «лицевую» часть которой нанесены логотип конкурса имени Н. С. Гумилёва и – крупно! – название конкурса: «Заблудившийся трамвай»)

...И вдруг я понял под вороний грай,
что на меня, из-под дождя взошедшего,
все тут же смотрят как на сумасшедшего,
увидев: «Заблудившийся трамвай».

Кому-то объяснял (себя кляня!):
мол, конкурс... Гумилёв, мол... это стих его...
Но и при этом – как на психа тихого, –
смотрели горожане на меня!..

...Тогда я закричал что было сил –
всем (кто шёл встречу, кто рядышком, кто мимо ли):
*«Да, заблудился!.. Много лет уж минуло,
как я в вагончик Города вскочил!*

*Зачем не прыгнул на ходу, – бог весть, –
я, в Городе родившийся-крестившийся?!
Да, я – трамвай! Трамвай я! Заблудившийся!
Вот, даже на футболке надпись есть!..*

*Пусть я смешон!.. Пусть выпало с лихвой
за эти годы выносить и вынести!..
Но я горжусь, что главное – два сына – есть,
и у обоих – звёзды над судьбой!..»*

Уже космичность обретал мой слог,
в нём проступали все года прошедшие...
Вокруг меня стояли сумасшедшие,
и нескончаем был мой монолог...

Текли века к началу всех начал.
Закат по небу растекался золотом.
Дождь кончился.
«Трамвай» стоял под зонтиком.
О чём-то о своём стоял-молчал...

К вопросу о моём поколении

Осталось лишь утешаться снами...
Это случилось когда-то с нами:
мы были «новыми именами»,
чисты и прозрачны, как «белый нал».
Теперь мы – старые имена.

Зато каждый день дольше жизни длится:
есть время пред сценой – для репетиций;
черновиками заполнить страницы –
есть время (чтоб набело выдать финал).
Ведь нынче мы – старые имена.

Просты и сложны мы, как оригами,
как персонажи в классической драме,
и можно нас голыми взять руками
в стране торгашей, и воров, и менял.
Ведь нынче мы – старые имена.

Но – настоящие мы. Струится
свет Настоящего в наших лицах,
это про нас – *veni, vidi, vici*,
хоть нам и назначена грош цена.
Теперь мы – старые имена.

Не то чтоб мы поднимаем знамя,
не то чтоб там «Не Москва ль за нами?..»,

а просто в тихой душе – цунами,
когда чужая – родная страна.
Мы – новые старые имена.

Простите, решили мы повториться:
кому-то же надо за всех молиться,
кому-то же надо за всех стыдиться,
забрасывать лот – чтоб до самого дна.
Пусть даже мы – старые имена.

Пусть даже окрест – как в помойной яме,
и даже глаголят при этом amen, –
во всём разберёмся мы вместе с вами
уже в грядущие к нам времена,
где станем мы – новые имена.

Там мы не будем в тени ютиться,
там и покой будет только сниться...
Я вижу – пацан (взгляд ясновидца)
мне машет рукой: «Привет, старина!»...
...Нынче мы – старые имена.

P. S. Вспомнил вдруг!.. Книгу сына с волнением
раскрыл... две строки... стало жарко в груди:
*«...Мы тоже были тем поколением,
у которого было всё – впереди».*